

Установочные механизмы творчества

Г.А. Горошидзе

Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили

Аннотация

В статье на фоне критического обзора существующих концепций творчества рассматривается наиболее адекватная из них, концепция "смещения оценок", указывая на слабые стороны которой выдвигается теория установки Д.Узнадзе, наиболее полно раскрывающая психологический механизм творчества. На основе разностороннего эмпирического материала утверждается, что творческая деятельность человека регулируется такими установочными процессами как адаптация (способствующая обесцениванию информации и, тем самым, облегчению творчества) и обобщение (способствующее преобразованию информации в больших объемах). Утверждается, что в надлежащих тренинговых мероприятиях адаптация наряду с использованием специальных эвристических приемов может послужить повышению продуктивности творческой деятельности.

На современном этапе научно-технического прогресса не вызывает сомнения важность исследований, направленных на изучение закономерностей творческой деятельности, на раскрытие ее внутренних психологических механизмов и использовании этих знаний для оптимизации продуктивности творческого труда.

С целью объяснения внутреннего механизма творческой деятельности выдвинуто немало концепций, которые, в основном, можно свести к двум направлениям. В одном из них при объяснении механизма творческой деятельности основной упор делается на отдельные умственные операции (интеллектуальный подход), а в другом – на отдельные внутренние состояния человеческой личности (личностный подход). К первому условно можно отнести концепции: «логических операций» (Декарт, Спиноза, Лейбниц и др.), «интеллектуальных операций» (О. Зельц), «аналогии» (Спирмен и др.), «анализа и синтеза» (С.Л. Рубинштейн), «рекомбинации» (Рибо, Медник, Уэлч), гештальтпсихологии (Келер, Вертгеймер и др.); ко второму же – концепции психоанализа (Фрейд и др.), Вюрцбургской школы (Кюльпе, Ах, Бюлер и др.), «интуиции» (А. Пуанкаре, М. Бунге, А. Налчаджян и др.).

Хотя эти концепции во многом отражают действительную сущность творческой деятельности, однако они далеко не безупречны в силу некоторой односторонности в понимании творчества. Некоторые из них акцентированием умственных операций недооценивают роль личностных состояний, а другие, наоборот, приписывая ведущую роль последним, не уделяют умственным операциям должного внимания. Завершенная же концепция должна совмещать в себе обе стороны психической реальности исходя из целостности личности.

В этом отношении заслуживает внимание концепция «смещения оценок» И.М. Розет [1] суть которой заключается в следующем: в продуктивной умственной деятельности всегда имеет место смещение оценок. С одной стороны обесценивание информации, приемов и способов решения, с другой стороны – повышение оценки полученных результатов, используемых приемов и др. Обесценивание информации, способов решения способствует их отбрасыванию и тем самым повышается возможность нахождения новых решений в процессе умственной деятельности. Повышение же оценки удачного – с точки зрения субъекта – способа решения, той или иной информации имеет свойство ограничивающего действия на поиск оригинального решения задачи. Между ними существует также двусторонняя зависимость: повышение оценки какой-либо информации приводит к обесцениванию другой и наоборот.

На ведущую роль подобных оценочных процессов в творческой деятельности указывают и многие другие ученые: Дюга (1903), Бюрлу (1927), Спирмен (1930), Ранк (1932), Кунц (1948), Маккелар (1957), Херншоу (1959), Синнот (1959), Лачинс (1960), Ньюэлл, Шоу,

Саймон (1963), Берлайн (1965), Дункер (1965), Хебб (1966), Козелецкий (1966), Райль (1967), Е.С. Жариков (1968), Рукетт (1973) и др.

На важность смещения оценок в творческой деятельности указывает и то обстоятельство, что оценочная деятельность предстает как неразрывная часть ценностного отражения действительности (ценностного сознания), разграничивающегося многими авторами от ее познавательного отражения (познающего сознания). Активность человека как субъекта деятельности, направленная на объективную действительность, не сводится целиком к познавательной активности сознания. Функция сознания не только гносеологическая, но и ценностно-ориентационная. При ценностном подходе явления действительности выступают как могущие отвечать потребностям, стремлениям и желаниям человека. Они раскрываются как средства удовлетворения потребностей человека, т.е. как обладающие ценностью (С.Л. Рубинштейн, 1957; В.Н. Мясищев, 1960; А.Н. Леонтьев, 1965; О. Бакурадзе, О. Джиев, Н. Чавчавадзе, 1966; В.П. Тугаринов, 1968; А.Ф. Еремеев, 1969; Л.А. Зеленов, 1969; Г.Х. Шингаров, 1971; С.Х. Раппопорт, 1973; А.С. Молчанова, 1976 и др.). Таким образом, учитывая двухслойную структуру человеческого сознания, при рассмотрении сущности творческой деятельности и ведущей в ней роли смещения оценок логичнее говорить об изменении ценности информации, приемов и способов решения, регулирующей эффективность творчества, т.е. адекватнее будет перейти от оценочного подхода к творчеству к ценностному подходу.

Принадлежность творческой активности к ценностному сознанию обоснована и тем, что многими исследователями не выявлено значимой связи творческой деятельности с интеллектуальными процессами, т.е. с познающим сознанием. Интеллектуальная активность является необходимым, но далеко недостаточным условием творчества [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8] и др. Многочисленные эксперименты свидетельствуют о низкой корреляции (или вовсе об ее отсутствии) между показателями, характеризующими интеллект и показателями, характеризующими творческие способности. Однако, это не значит, что интеллектуальные процессы не имеют никакого отношения к творческой деятельности. Учеными признается, что очевидно они имеют большое значение, но сами по себе и при отсутствии других черт и способностей не обеспечивают творческих успехов.

Таким образом, есть достаточно оснований для того, чтобы творческую активность рассматривать как процесс, регулирующийся одной из двух сфер сознания – ценностным сознанием. Тем самым мы во многом разделяем логику концепций, делающих упор на ведущую роль ценностных процессов в творческой деятельности. К тому же при таком подходе не остается в стороне и другая сфера психической активности – познающее сознание. Ценностное сознание безотносительно к чему-либо не может существовать. Для переживания ценности необходимо существование объекта, отвечающего потребностям, стремлениям, целям субъекта. Таким объектом может быть предмет, его образ, прием и способ решения задачи и др. Таким образом, ценностный подход акцентируя личностный аспект деятельности с необходимостью подразумевает и работу познающего сознания. Наиболее завершенная концепция из данного ряда, выражающая основную сущность этого подхода, концепция «смещения оценок» содержит, однако, определенные противоречия. С одной стороны, обесценивание и повышение оценки объявляются объективными закономерностями, а с другой стороны – зависящими от субъекта. Точнее говоря, направленность действия этих закономерностей находится в полной власти сознательной активности субъекта. Но тогда становится непонятным нередкое отличие людей друг от друга по творческим показателям при их одинаковой, в основном, сознательной активности. Можно сказать, что в данной концепции наряду с недостаточной обоснованностью объективности указанных закономерностей не учитывается и индивидуально-психологическая сторона творческой активности – важная ее характеристика.

Мы полагаем, что в основе смещения оценок лежит явление более глубокого характера, которое само направляет активность личности, а именно установка, основной чертой которой является определение всего процесса ее сознательной деятельности. Исходя из классических

экспериментов фиксированной установки Д. Узнадзе и его учеников можно утверждать, что оценочная деятельность, как предпосылка ценностного отражения действительности, основана на установочных процессах субъекта, а сами установочные процессы совмещают в себе как строгую объективность, так и индивидуально-психологическую сторону активности.

Разделение человеческого сознания на познавательное и ценностное в наиболее завершенной форме находит свое отражение в теории установки Д. Узнадзе. В этой теории психика человека рассматривается в двух планах ее работы: установочной деятельности и объективации. На уровне установочной деятельности осуществляется импульсивное поведение по удовлетворению индивидом своих актуальных потребностей. План же объективации вступает в действие в случае возникновения каких-либо препятствий в удовлетворении этих потребностей. Для устранения препятствий необходимо исследование, познание их причин, что может быть достигнуто путем включения в деятельность интеллектуальных процессов. Таким образом, на уровне объективации берет свое начало интеллектуальная активность человека, а саму объективацию можно рассматривать как основу познавательного отражения действительности [9].

Что касается отношения установочного уровня к ценностному сознанию, то можно сказать следующее. Для установления ценности определенного явления для субъекта необходимо произведение им оценки. Но оценка обязательно предполагает сравнение, сопоставление, соотнесение с чем-либо. Как принято считать, в ценностном отражении действительности та основа, с которой сравнивается актуальная стимуляция – это система потребностей индивида. В результате соотнесения внешней стимуляции с потребностями индивида возникает эмоциональное переживание ее ценности для данного индивида. Сама же процедура оценки (сравнения) не есть эмоциональный процесс. Таким образом, ценностное отражение можно рассматривать в виде двухэтапного процесса: первый этап – процесс сравнения внешних явлений с внутренней позицией субъекта относительно этих явлений; второй этап – само переживание ценности данного явления, которое вышеназванными авторами рассматривается как сознательный и непосредственный процесс. Исходя из того, что ценность переживается субъектом сознательно и непосредственно, при первой же встрече с объектом потребности без произведения предварительных сознательных умственных операций для ее оценки, можно полагать, что оценивание происходит без сознательного вмешательства субъекта на уровне бессознательной работы психики. Каждый воспринятый стимул – это стимул, прошедший предварительную оценку на бессознательном уровне.

На основе потребности индивида и ситуации ее удовлетворения в нем возникает установка, как считается школой Д. Узнадзе, определяющая дальнейшее поведение. Наличие потребности субъекта и ситуации ее удовлетворения обязательно предполагает возникновение установки. В случае ценностного отражения действительности мы также имеем потребность субъекта и предмет отвечающий этой потребности. Следовательно, в ценностном отражении установка присутствует как необходимое условие. Ее роль в ценностном отражении – это быть основой, с которой соотносится актуальная стимуляция в процессе ее оценки и, следовательно, установления этим ее ценности для субъекта [10], [11], [12] и др. Таким образом, установочный уровень активности дает начало ценностному отражению действительности. Учитывая вышесказанное, т.е. что оценка внешних явлений происходит на основе установки субъекта, а также то, что сама установка является бессознательным состоянием субъекта, можно утверждать, что оценочные процессы, как предшествующие ценностному отражению, есть процессы, основанные на действии установки субъекта. Таким образом, установка предшествует восприятию явлений действительности как оценивающий агент. Всякий воспринятый стимул с самого же начала есть стимул, заведомо (бессознательно) прошедший оценку на основе имеющейся в данный момент у субъекта установки.

Исходя из того, что установочные процессы являются основой ценностного отражения, а также совмещают в себе как строгую объективность, так и индивидуально-психологическую сторону активности, нам кажется целесообразным рассматривать смещение оценок в творческой деятельности на их основе.

Если установка обуславливает оценочную деятельность, а в каждый отдельный момент человек, являясь носителем одной определенной установки, производит одно определенное оценочное суждение, то явление смещения оценок, по-видимому, должно основываться на изменении установки и, следовательно, закономерностью этого изменения будет определяться характер этого смещения. В опытах фиксированной установки (метод фиксированной установки является основным методом изучения установки), изменение установки, как правило, проявляется в иллюзиях восприятия. Как показывают исследования [13], чем сильнее изменена установка в процессе ее фиксации, тем больше величина иллюзии в критических опытах. Значит «индикатором» степени изменения установки может служить величина установочной иллюзии.

Кроме того, изменение установки нельзя рассматривать вне связи с процессами адаптации, исходя из того положения, что школой Д. Узнадзе установка понимается как механизм адекватного и целесообразного приспособления индивида к среде [9], [14], [15]. Анализ биологических, психологических и социальных концепций адаптации показывает, что она фактически является диалектическим единством двух действующих факторов: фактора фиксации и фактора модификации. Понимая установку как механизм адаптации, большинством авторов упор обычно делается на факторе фиксации, выраженном в длительности сохранения установки. Если же говорят о модификации, то лишь в аспекте «закона смены установки» (Д. Узнадзе), который некоторыми авторами экспериментально опровергается [16]. Кроме того, величина установочной иллюзии, как неотъемлемое проявление действия установки, не наполнено сколько-нибудь позитивным содержанием и трактуется только в плане отклонения от целесообразности и адекватности в поведении, в то время как сама установка считается механизмом адекватного и целесообразного приспособления к среде. Чтобы говорить об адаптации совершенно недостаточно апеллировать лишь к фактору фиксации или на ее основе заключать о факторе модификации. Для фактора модификации – второй необходимой стороны адаптации – следует определить собственное содержание в структуре установочных процессов. Как показывают наши теоретические и экспериментальные исследования [17], [13], [18], проявлением фактора адаптивной модификации в установочных процессах является степень изменения установки. Само же изменение установки проявляется в величине установочной иллюзии. Чем сильнее изменена установка в процессе ее фиксации, тем больше величина иллюзии в критических опытах. Изменение установки происходит, как правило, в сторону уподобления внешней среде. Это значит, что в процессе формирования установки за основу оценки явлений действительности субъектом берется установка все более тождественная отраженной в психике актуально воздействующей стимуляции. Возникшая иллюзия в критическом опыте, есть результат смещения оценок в установочном опыте. С другой стороны, чем с большей степенью адекватности формируется установка по отношению к новой среде, тем более приспособленным может быть поведение индивида. Значит степень изменения установки, проявляющаяся в величине иллюзии, является также выражением адаптируемости. Наши исследования показывают, что существует положительная корреляция между величиной установочной иллюзии и показателями адаптируемости личности [13]. Следовательно, величину изменения установки, выражающуюся в величине иллюзии, надо считать выражением степени адаптации индивида к среде.

Процессы адаптации органически связаны с ценностным отражением действительности. Поскольку ценность определенного явления субъектом устанавливается исходя из своей установки, ее феноменологическим содержанием является соответствующая эмоциональная реакция. Чем больше отличается актуально воздействующая стимуляция от ожидаемой, соответствующей установке субъекта, тем сильнее эмоциональная реакция на нее и тем

выше ее ценность. При изменении установки в направлении адекватности по отношению к этой новой стимуляции эмоциональное реагирование уменьшается, понижается ценность стимуляции. Чем в большей степени изменяется установка, а следовательно, чем адекватнее становится она новой стимуляции, тем сильнее падает ценность этой стимуляции для субъекта. Таким образом, степень изменения (модификации) установки определяет величину изменения ценности стимула для субъекта. Но изменение установки – это фактически процесс адаптации. Итак, установка является механизмом как адаптации, так и ценностного отражения субъектом действительности. Чем больше степень модификации установки, тем больше степень адаптации к среде и, следовательно, тем меньше ценность последней, т.е. по мере адаптации к среде понижается ее ценность.

Возвращаясь к вопросу о творческой деятельности, можно сказать, что творческая результативность, являясь следствием изменения ценности информации, теперь ставится в зависимость от адаптируемости личности, зависящей, в свою очередь, от установочных процессов. Чем сильнее адаптируется субъект к определенной информации, тем больше возможностей открывается для нахождения оригинального решения задачи. Таким образом, адаптируемость к информации определяет творческие показатели личности.

Такую же зависимость можно проследить и рассматривая процесс переработки человеком информации применительно к его творческой активности. Мерой творческой продуктивности является оригинальность найденного решения задачи. Оригинальность же подразумевает заметное отличие этого решения от наиболее предполагаемых. Как справедливо замечает Э. Боно [19], оригинальность означает маловероятность. Таким образом характерной чертой творческой деятельности является нахождение маловероятного решения задачи. В теории информации вероятность определенного явления связывается с количеством информации: чем маловероятнее (оригинальнее) происшедшее событие, тем больше информации оно содержит и наоборот. Применительно к творческому решению задачи получаем: чем маловероятнее (оригинальнее) найденное решение задачи, тем больше информации несет оно в себе. Определенным подтверждением подобного «информационного» понимания творчества служат некоторые экспериментальные исследования, показывающие положительную связь творческой активности с большим объемом перерабатываемой информации [20], [21]. Исходя из сказанного, творческую деятельность можно рассматривать и как переработку информации.

В информационной деятельности ценностью считается то качество информации, которое выражается в том, в какой степени способствует оно достижению поставленной субъектом цели. Чем больше обеспечивает информация достижение цели, тем выше ее ценность. В случае творческого решения задачи такой целью является нахождение оригинального решения. Это тот случай, когда ценность и оригинальность определенного явления совпадают друг с другом [22]. Таким образом, в случае творческого решения задачи ценность искомого решения выражается через его маловероятность (оригинальность) с точки зрения субъекта деятельности.

Ценность информации измеряется величиной приращения вероятности достижения цели [23]. Подставив в эту формулировку субъективную вероятность – обладателем лишь чего и является человек –, как детерминанту поведения, получаем, что чем больше изменяет принятая информация субъективную вероятность достижения цели, тем выше ее ценность для субъекта. Таким образом, о величине ценности информации можно судить на основе изменения субъективной вероятности. Мерой субъективной вероятности считается степень уверенности субъекта в наступлении того или иного события или осуществление того или иного поведения [24], [25], [26], которая легко определяется методом субъективного шкалирования.

Как видим, логично полагать, что ценность информации составляется из разности вероятностей достижения цели. Но применяя такую формулировку даже к изменению субъективной вероятности мы имеем дело с результирующими эффектами поведенческой активности, в которых утерян элемент непосредственности ценностного отражения. Мы

рассматриваем субъективную и объективную вероятности сопоставимыми понятиями, имеющими одинаковый континуум значений от 0 до 1. Объективная вероятность никоим образом ни дано субъекту, а формируется лишь ее подобие фиксацией многократных повторений определенного события в прошлом опыте субъекта, присутствующего в психике в форме определенного ожидания. Учитывая непосредственный характер ценностного отражения полагаем, что ценность информации устанавливается из разности «объективной» и субъективной вероятностей. Когда субъективная информация сближается с «объективной», ценность информации понижается. Ценность информации – это фактически количество информации, служащая достижению субъектом цели. Исходя из «идентичности» («равнозначности») объективной и субъективной вероятностей приходим к «идентичности» объективной информации и ее ценности, точнее говоря ценной информации. А когда рассматривается вопрос предельных объемов перерабатываемой человеком информации – типа пропускной способности человеческого канала связи – то тут следует учитывать информацию обеих категорий, «объективную» и ценную информацию. Предельные возможности человека по переработке информации составляется из суммы количеств информации обеих категорий, т.е. ценность информации (или же ценная информация) дополняет объективную информацию до предельных значений пропускной способности человеческого канала связи. Наблюдения показывают обратную зависимость между ценностью и объемом перерабатываемой объективной информации [27]. В свою очередь, при низкой ценности информации возросшие способности по переработке объективной информации приводят к повышению возможности нахождения оригинального (маловероятного) решения задачи, включающего в себя больший объем информации, т.е. на объем перерабатываемой информации влияет изменение ее ценности, приводящая к изменению творческой эффективности. Что касается изменения ценности в рассматриваемом вероятностном аспекте, то оно порождается изменением степени различия между величинами субъективной и «объективной» вероятностей: чем больше различие между ними, тем выше ценность информации, а при уменьшении этого различия, ценность информации падает. Но минимизация разницы между субъективной и объективной вероятностями считается адаптацией индивида к вероятностной среде. Следовательно, понижение ценности информации, приводящая к повышению творческой эффективности, обеспечивается процессом адаптации. Таким образом, и в информационном аспекте адаптация определяет творческую продуктивность. Результаты наших исследований подтверждают это положение [18]. Кроме того, в некоторых исследованиях также можно усмотреть положительную связь между адаптацией и творчеством [28], [29], [30], [31], [32], [33], [34], [35].

Подытоживая вышесказанное, можно полагать, что адаптируемость личности является той основой, которая определяет ее творческую результативность. Сама же адаптируемость зависит от модифицируемости установки. Чем больше модифицируется установка личности по отношению к той или иной информации, тем более понижается ее ценность и повышается способность переработки информации большего объема, и, следовательно, нахождения оригинального решения задачи. Непосредственная связь величины установочной иллюзии (измеренной после фиксирования установки в сфере воображения) с творческими способностями нами была установлена на основе сопоставления экспериментальных данных, полученных у 60 испытуемых методами фиксированной установки и составления предложений из трех слов (Маселон) и у 40 испытуемых – методом фиксированной установки и тестом Роршаха с диагностикой кинестетических ответов, считающихся валидным проявлением творческих способностей человека. В первом случае была получена корреляция $O = 0,61$, $P \ll 0,05$, а во втором случае - $O = 0,52$, $P \ll 0,05$, что подкрепляет вышеприведенные заключения относительно установочной детерминации творчества [18].

До сих пор большей частью говорилось лишь об одной стороне творческой деятельности – о ценностном сознании, наполненном эмоциональным содержанием. Но творчество нельзя свести только к действию ценностных процессов, в нем необходимо участие и познающего сознания. Как уже отмечали, познавательные процессы являются необходимыми, однако

совершенно недостаточными средствами для творчества. Поэтому при рассмотрении творческой деятельности обязательно надо подразумевать работу как ценностного сознания, так и познающего сознания, отчасти также регулируемого установочными процессами, наряду с ведущими в этой сфере процессами объективации.

Значимость установочных процессов в умственной деятельности наглядно показывается в нашем экспериментальном исследовании, которое проводилось с помощью автоматизированной системы исследования психофизиологических процессов и устройством изучения установки на временные интервалы. У 70 испытуемых исследовались процессы мышления, памяти, внимания, простые и сложные сенсомоторные реакции, статический и динамический тремор, и естественный ритм. На основе экспериментальных данных всех 70 испытуемых были получены лишь две статистически значимые корреляции. Однако на основе сгруппированных данных по ассимилятивной (13 исп.), адекватной (15 исп.) и контрастной (42 исп.) установочных оценок испытуемых были получены 54 r-корреляций, величина которых колеблется в диапазоне от 0,28 до 0,77, а статистическая значимость – в диапазоне от $P < 0,05$ до $P < 0,0005$. В общей картине данных просматривается рост количества и величины корреляций между психическими процессами по мере увеличения силы эффектов установки, т.е. по мере усиления установочных процессов увеличивается степень интеграции познавательных процессов [36].

Сама интеграция осуществляется путем выявления и обобщения сходных свойств психических процессов, которые, в свою очередь, могут быть достигнуты через адаптацию к наблюдаемым явлениям. Процесс адаптации дает возможность отграничения основного от второстепенного, общего от конкретного и т.д. Именно адаптация является той основной функцией установки, с помощью которой осуществляется формирование наиболее общих и наиболее стабильных (инвариантных) психических структур [37], дающих возможность осуществления целесообразного поведения.

Основываясь на укоренившихся представлениях психологии установки относительно тех элементов из которых она состоит, можно утверждать, что общая установка является психической структурой, состоящей из общего мотива, обобщенной ситуации и общей операции (операциональные возможности). Наиболее характерным и дифференцирующим из них является общая операция в силу сильной индивидуальности, в противоположность двум остальным компонентам, характеризующимся высоким интериндивидуальным сходством [38]. Наше экспериментальное исследование, проведенное на 100 испытуемых показало, что существует достаточно сильная положительная связь между установочным обобщением (генерализацией) и его длительностью ($r = 0,72$, $P < 0,0005$), тогда как у тех же испытуемых статистически значимая связь между установочной иллюзией и ее длительностью, измеренных классическим методом, не наблюдается. Это наводит на мысль о первичности процесса генерализации в формировании установки, т.е. до формирования иллюзии установки установочное обобщение должно считаться уже осуществленной. Другими словами, основным оценочным установочным процессам предшествуют процессы установочного обобщения [39]. Следовательно, все сказанное относительно величины изменения установки, проявляющейся в величине иллюзии восприятия должно быть отнесено, в первую очередь, к изначальным процессам установочного обобщения. В подгруппе с большой величиной установочной иллюзий (55 исп.) наблюдается положительная связь между величиной установочной иллюзии и генерализацией ($r = 0,41$, $P < 0,005$), что дает основу полагать, что большая величина установочной иллюзии достигается на основе большей генерализации установки.

Общее – это такое интегрированное единство абстрагированных сходных элементов, которое наиболее адекватно может быть выражено с помощью слова. Следовательно, формирование общей установки или актуализации уже имеющейся наиболее полно может быть достигнуто в вербальной активности. В этом аспекте процесс коммуникации дает большие возможности оперирования общими установками. Общее в тоже время является существенной, поэтому в виде общей установки мы получаем «знания» относительно

существенных сторон наблюдаемых явлений. Таким образом оперируя общими установками появляется возможность существенной и творческой переработки знаний относительно интересующих нас проблем [40].

Творческая деятельность, как уже отмечали, предполагает преобразование информации. Преобразование же информации в психике осуществляется интеллектуальными операциями. Однако присутствие интеллектуальных операций в процессах преобразования информации еще не определяет успешности творческой деятельности. Основным моментом в ней является степень преобразования информации этими операциями. Чем она выше, тем оригинальнее может быть найденное решение задачи. Следовательно степень преобразования придает интеллектуальной деятельности признак творчества. Степень преобразования информации не зависит от эффективности работы познающего сознания, ее надо рассматривать как результат работы ценностного сознания, регулирующей установочным отражением действительности. Исходя из глубокой индивидуальности установочных процессов, степень преобразования связана с личностными качествами а не с познавательными процессами, так как познавательные процессы – мышление, воображение – могут быть как творческими, так и не творческими. Итак, степень преобразования информации следует рассматривать в пределах работы установочных процессов, а в них, в связи с творчеством, нами были выделены процессы установочного модифицирования – психической адаптации –, что приводит к заключению о том, что степень преобразования информации регулируется процессами психической адаптации личности. Чем интенсивнее происходит адаптация к той или иной информации и, следовательно, понижение ее ценности, тем в большей степени может быть подвергнута эта информация преобразованиям с помощью интеллектуальных операций. Что касается интеллектуальных операций, то применительно к творческим процессам, может быть использовано определенная их категория – эвристические приемы, которые вырабатываются или личным опытом человека, или же устанавливаются специальными исследованиями по нахождению оптимального их набора применительно к данной области знания. В этом аспекте творческая продуктивность может быть поставлена в зависимость от успешности овладения нужным количеством эвристических приемов (для данной области знания) и способствования психической адаптации путем проведения тренинговых мероприятий.

Таким образом, в творческой деятельности мы выделяем два аспекта, определяющие ее успешность: владение человеком нужным набором (для данной области знания) обобщенных эвристических приемов и его адаптируемость к перерабатываемой этими приемами информации, которые порождают два возможных направления работ по повышению продуктивности творческой деятельности с помощью надлежащих тренинговых мероприятий

Received: 2008-04-23

ЛИТЕРАТУРА

1. Розет И.М. Психология фантазии. – Минск: БГУ, 1977.
2. Turstone L.L. Creative talent. – Proc. 1950 Conf. Test Probl., Educ. Test. Serv., 1951, p. 55-69.
3. Barron F. The disposition toward originality. – Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955, vol. 51, p. 478-485.
4. Guilford J.P. Creative abilities in the arts. – Psychological Review, 1957, vol. 64, p. 110-118.
5. Getzels J.W., Jackson P.W. Creativity and intelligence. – N.Y., 1962.
6. Wallach M.A., Kogan N. Models of thinking in young children: a study of creativity-intelligence distinction. – N.Y., 1965.
7. McKinnon D.W. The study of creative persons: a method and some results. – In: Creativity and learning. Ed. by J.Kogan, Boston, 1968.
8. Wade S. Differences between intelligence and creativity: some speculation on the role of environment. – Journal of Creative Behavior, 1968, vol. 2(2), p. 97-101.
9. uznaZe d. Sromebi. t. VI. – Tbilisi: mecniereba, 1977.
10. Прибрам К. Языки мозга. – М.: Прогресс, 1975.
11. Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. – Горький, 1972.
12. Квачахия В.Н., Надирашвили Ш.А. Ценность и установка. Проблема социальных установок. – В кн.: Социологические исследования. Тб., 1971, с. 5-40.
13. Горошидзе Г.А. Установочная модификация в приспособительной активности человека. Известия АН ГССР, 1981, №1, с. 87-96.
14. Бжалава И.П. Психология установки и кибернетика. - М.: Наука, 1966.
15. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности. – Тб., Мецниереба. 1975.
16. Надирашвили Ш.А. Фиксированная установка и перцептивно-моторная активность. – В кн.: Экспериментальные исследования по психологии установки. Тб., 1971, с. 90-98.
17. Горошидзе Г.А. Проблема адаптации в теории установки. Тезисы докл. 8-й закавказской конференции психологов. Ереван, 1980, с. 271-273.
18. Горошидзе Г.А. Установка и адаптация личности в творческом труде. Автореф. дис. на соискание уч. степени к.психол.н. Тбилиси 1982.
19. Боно де Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении. М., 1976.
20. Levin J., Brody N. Information-deprivation and ncreativity. – Psychological Reports. 1974, vol.35(1, Pt.1), p. 231-237.
21. Kasperson C.J. Psychology of scientist: XXXVII, Scientific creativity: A relationship with information channels. – Psychological Reports, 1978, vol. 42(3, Pt. 1), p. 691-694.
22. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966.
23. Харкевич А.А. О ценности информации. – В кн.: Проблемы кибернетики. М., 1960, вып.4, с. 53-57.
24. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979.
25. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. – М.: Мир. 1974.
26. Бобнева М.И. Техническая психология. – М.: Наука, 1966.
27. Горошидзе Г.А., Болоташвили М. О двух аспектах переработки информации. Тезисы докл. 9-й закавказской конференции психологов. Баку, 1983, с. 35-37.
28. Wild C. Creativity and adaptive regression. – Journal of Personal and Social Psychology, 1965, vol. 2, p. 161-169.
29. Menaker E. Adjustment and creation. – Journal of Otto Rank Association. 1972, vol. 7(1), p. 11-25.
30. Hallman R.J. Human relations and creativity. – Journal of creative Behavior. 1974, vol. 8(3), p. 157-165.
31. Leeb S. Empirical application of a cognitive framework to rigidity, aspects of creativity, anxiety and adjustment. – Psychological Reports. 1975, vol. 37(2), p. 651-668.
32. Ridley D.R. Communicability and complexity as predictors of creativity. – Perceptual and motor skills, 1977, vol. 45(2), p. 399-408.

33. Scubert D.S., Biondi A.M. Creativity and mental health. Creativity and adjustment. – Journal of Creative Behavior, 1977, vol. 11(3), p. 186-197.
34. Rothenberg A. Adaptation and cognition. An experimental study of creative thinking. – Journal of Nervous and Mental Disease, 1980, vol. 168(6), p. 370-374.
35. Налчаджян А.А. Личность, психическая адаптация и творчество. – Ереван: Луйс, 1980.
36. Горошидзе Г.А. Интеграционная природа установки. Еузисы докладов юбилейной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. Норакидзе. Тбилиси, 1999, с. 17-18. (на грузинском языке).
37. Горошидзе Г.А. Общий интеллект как установочная структура. Тезисы докладов юбилейной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Д. Узнадзе. Тбилиси, 1999, с. 22-23. (на грузинском языке).
38. Горошидзе Г.А. Роль общей установки, ультраоператоров и универсалий в повышении эффективности коммуникации. Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию со дня кончины Д. Узнадзе. Тбилиси, 2001, с. 31-35. (на грузинском языке).
39. Горошидзе Г., Модебадзе Ц. Установка и обобщение. Материалы 1-го съезда психологов Грузии. Тбилиси, 1995, с. 48. (на грузинском языке).
40. Горошидзе Г. Обобщение в творчестве. Материалы 1-го съезда психологов Грузии. Тбилиси, 1995, с. 24. (на грузинском языке).